

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2016»

Москва, 1–4 июня 2016

БЕЛАРУСЬ VS. БЕЛОРУССИЯ: СТРУКТУРА ОДНОГО ЛИНГВОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Сомин А. А. (somin@tut.by)

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Полий А. А. (a.a.polyi@gmail.com)

Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия

В работе рассматриваются различные аспекты лингвополитического конфликта, связанного с выбором между двумя русскоязычными топонимами — *Белоруссия* и *Беларусь*, а также прилагательными *белорусский* и *беларус(с)кий* и этнонимами *белорус* и *беларус*. Суть проблемы в том, что в русском языке России используется вариант *Белоруссия*, который оценивается многими белорусами как пренебрежительный, тогда как сами белорусы используют вариант *Беларусь* в том числе и в русской речи. Для понимания структуры конфликта мы описываем, анализируя газеты 1990-х гг., как и почему появился и распространился топоним *Беларусь*, а также изучаем данные, полученные с помощью двух онлайн-опросов, количественное распределение дериватов, образованных от вариантов топонимов, и, наконец, описываем сценарии конфликтной коммуникации в комментариях в различных социальных медиа с применением качественных методов анализа. Один из опросов был направлен на определение социальной дистрибуции двух вариантов топонимов, тогда как целью другого было изучение рефлексии белорусов по отношению к топониму *Белоруссия* и его производным. В работе показано, что обе стороны конфликта имеют ограниченные наборы аргументов, которые постоянно появляются в конфликтной коммуникации в комментариях под различными статьями в интернете.

Ключевые слова: социолингвистика, конфликт, топонимика, Белоруссия, социальные медиа, языковая рефлексия

BELARUS VS. BELORUSSIA: THE STRUCTURE OF A LINGUO-POLITICAL CONFLICT IN SOCIAL MEDIA

Somin A. A. (somin@tut.by)

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia

Poliy A. A. (a.a.polyi@gmail.com)

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

This paper studies different aspects of a linguo-political conflict concerned with choosing between two Russian toponymic variants — *Belorussia* and *Belarus'* as well as adjectives *belorusskij* (*Belorussian*) and *belarus(s)kij* (*Belarusian*) and ethnonyms *belorus* and *belarus*. The core of the problem is that in the Russian language of Russia the variant *Belorussia* is used, which is considered to be insulting by many Belarusians, who prefer to use the variant *Belarus* while speaking Russian. In an attempt to understand the structure of this conflict, we analyze how and why the toponym *Belarus* appeared and spread through the newspapers of 1990-s, study the data from two online polls and the distribution of some words derived from the two toponymic variants, and finally discuss the scenarios of conflict communication in discussions in various social media. One of the polls shows the social distribution of the two toponymic variants and the other examines the attitude of the Belarusians towards the toponym *Belorussia* and its derivatives. We show that each side of the conflict has its own limited set of ideas that reappear in conflict communication in comments under different articles on the Internet.

Key words: sociolinguistics, conflict, toponymy, Belarus, social media, attitudes to language

1. Введение: изменения топонимов и их конфликтность

После распада Советского Союза на территории постсоветского пространства происходили две разновидности переименования топонимов: в первом случае городам возвращались исторические досоветские названия (*Куйбышев — Самара, Фрунзе — Бишкек*), а во втором, как пишет М. А. Кронгауз, «на смену русскому названию было предложено, по существу, это же название, но на другом языке, главном языке новой независимой страны» [Кронгауз 2013:11]: *Алма-Ата — Алматы, Киргизия — Кыргызстан, Белоруссия — Беларусь, Молдавия — Молдова* и т.п. Особыми случаями являются *Таллинн* (где речь идёт только об орфографии) и вариативность предлогов в сочетании с названием Украины: *в/на Украину, с/из Украины*.

Любая смена топонима — потенциально конфликтный акт. В случае же постсоветского пространства конфликтность усугубляется двумя аспектами:

во-первых, общим языком, в который вносятся изменения, — русским — у государств-инициаторов переименования и «языковой метрополии», а во-вторых, ассоциированием предыдущих вариантов топонимов с советским строем и российским доминированием.

Особенно остро конфликтность стала проявляться с развитием социальных медиа. Если раньше конфликт, связанный с употреблением одного из двух вариантов топонима, мог развиваться только при личной коммуникации или лишь с ограниченной интерактивностью — например, в формате возмущённых писем в газеты, то сейчас триггером конфликтной коммуникации может выступить неверный с точки зрения комментатора топоним, как употреблённый в тексте электронных СМИ, так и использованный другим пользователем в дискуссии в публичном пространстве (в социальных сетях, на форуме, в блоге) — что может немедленно вызвать эмоционально-окрашенный спор в комментариях. Подобные споры являются настолько регулярным явлением, что получили особые жаргонные наименования: *хохлосра́ч* — любой яростный спор в комментариях, связанный с Украиной, *бульбосра́ч* (от бел. *бульба* 'картошка') — спор, связанный с Белоруссией. При этом если в первом случае из-за актуальности украинской повестки дня выбор предлога является лишь одной из тем для споров, во втором случае абсолютное большинство споров касаются именно варианта топонима.

Переход конфликтной коммуникации в публичное онлайн-пространство дал лингвистам возможность изучать архитектуру конфликтов, ранее практически недоступную для стороннего взгляда. Комбинируя качественные и количественные методы анализа социальных медиа, имея в своём распоряжении обширный корпус конфликтных диалогов, мы можем успешно описывать различные аспекты развёртывания конфликта. В настоящей статье, применяя вышеуказанные методы в сочетании с методикой опросов, экспериментов и работы с архивными текстами, мы проанализируем конфликт, связанный с вариативностью топонима *Белоруссия* / *Беларусь* и родственных ему слов.

2. Появление варианта *Беларусь* и развитие вариативности

В русском языке вариант *Беларусь* — собственно, белорусскоязычное название Белоруссии, существующее с конца XIX века, — появился в 1991 году с принятием 19 сентября того же года закона N 1085-XII «О названии Белорусской Советской Социалистической Республики и внесении изменений в Декларацию Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики и Конституцию (Основной Закон) Белорусской ССР»¹. Наиболее важен в нём, собственно, первый пункт:

¹ <http://zakonby.net/zakon/62709-zakon-respubliki-belarus-ot-19091991-n-1085-xii-quotonazvanii-belorusskoy-sovetskoy-socialisticheskoy-respubliki-i-vnesenii-izmeneniy-v-deklaraciyu-verhovnogo-soveta-belorusskoy-sovetskoy.html>

«1. Белорусскую Советскую Социалистическую Республику впредь называть „Республика Беларусь“, а в сокращенных и составных названиях — «Беларусь».

Установить, что эти названия транслитерируются на другие языки в соответствии с белорусским звучанием».

При всей лингвистической неоднозначности этого пункта (верно ли, что слово *Рэспубліка* также должно транслитерироваться, а не переводиться?) из него следовало, что и в русском языке должно употребляться название *Беларусь*. Это указание было направлено не только на русский язык, но и на другие языки, так как в большинстве европейских языков название страны либо транслитерировалось из русского *Белоруссия* (англ. *Byelorussia* — отсюда домен .by и *Belorussia*, фр. *la Biélorussie*, ит. *Bielorussia* и т. д.), либо переводилось по частям как ‘Белая Россия’ (нем. *Weißrussland*, швед. *Vitryssland*, фин. *Valko-Venäjä*, венг. *Fehéroroszország* и т. д.). Достаточно оперативно отреагировал только английский язык: в течение последующих десятилетий топоним *Belarus* постепенно вытеснял устаревшие варианты, позже это также коснулось и названия языка и национальности. Так, Дж. Смит в предисловии к своей книге «Red Nations» пишет: «The most important of these [spelling changes or new names] is the country now almost universally known as Belarus, at the insistence of the independent state’s political leaders in the early 1990s. At the time of the adoption of this official state name [Belarus], there was extensive discussion as to the etymological link with the Russian name ‘Belorussia’. The difference is in any case sufficiently great to consider there was never a Soviet Socialist Republic of Belarus, but a Belorussian SSR. Hence I use the name Belorussia for the Soviet republic, but Belarus for the post-Soviet state (and Belorussians up to 1991 but Belarussians afterwards)» [Smith 2013: xvi]. В других языках изменения не произошли вовсе или не распространилось за пределы официального дискурса. Так, например, в белорусских учебниках французского языка страна называется *le Bélarus* (в мужском роде), однако это название совершенно не используется носителями языка: на сайте посольства Франции в Минске сообщается, что несмотря на то, что ООН предлагает употреблять предложенный белорусским правительством вариант *Bélarus*, ряд французских институций (Национальная комиссия по топонимике, Министерство иностранных дел, Французская академия и др.) рекомендуют пользоваться словом *Biélorussie*². В работе [Русакович 2014: 371], посвящённой названиям Белоруссии в немецком языке, сообщается, что «во второй половине XX века в научной литературе ФРГ и ГДР [наряду с *Weißrussland*] применялась также и транскрипция *Belorussland*», вышедшая в начале 1990-х из употребления, и сейчас встречаются как варианты *Weissrussland*, так и *Belarus*. В 2009 году Шведская академия решила употреблять в новом издании своего словаря прилагательное *belarusisk* [Лашкевич 2010], однако на награждении писательницы Светланы Алексиевич Нобелевской премией в 2015 году её гражданство обозначалось прилагательным *vitrysk*. Обзоры названий Белоруссии в разных

² <http://www.ambafrance-by.org/2-Toponymie-Belarus-ou-Bielorussie>

языках можно найти в публицистических статьях [Лашкевич 2010], [Вячорка 2015a], [Вячорка 2015b].

Однако более интересно то, что происходило с вариативностью именно в русском языке, как общем языке Белоруссии и России — и в связи с этим в более конфликтогенной атмосфере.

Официальный русский перевод Конституции, принятой спустя 3 года после Закона о названии БССР — 15 марта 1994 года, начинался следующими словами:

«Мы, народ Республики Беларусь (Беларуси), исходя из ответственности за настоящее и будущее Беларуси, <...>»³.

А в 1995 году русский язык стал государственным в Белоруссии, тем самым будто бы юридически закрепив наличие варианта *Беларусь* в русской литературной норме.

У нас нет сведений о том, насколько быстро топоним *Беларусь* закрепился в русскоязычном дискурсе белорусов, однако можно проследить его экспансию в прессе. Так, например, в главной государственной газете «Советская Белоруссия» (сейчас «СБ — Беларусь сегодня»), издающейся на русском языке, вариант *Беларусь* стал употребляться сразу же после принятия вышеупомянутого закона. Первое время, однако, в статьях могли встречаться оба топонима: старый преимущественно в тех случаях, когда речь шла о советских наименованиях:

- (1) *Верховный Совет <...> делегировал в состав вновь образуемого Верховного Совета СССР представителей **Белоруссии** из числа народных депутатов СССР и народных депутатов **Республики Беларусь*** (СБ, 4 октября 1991 г.)

Кроме того, в публикациях 1991–1992 годов (в первую очередь, в письмах читателей) также могли изредка встречаться одновременно оба без семантически и прагматически мотивированных причин. Например, в статье под заголовком «**Беларусь** — не выдумка» в номере от 2 октября 1991 г. встречаются фразы «<...> посорить **Белоруссию** и другие республики „без истории“ между собой и Францией» и «В последнее время мне доводится бывать в самых разных уголках **Белоруссии**»; ср. также следующий пример — два соседних предложения из письма читателя:

- (2) *Мы хотим жить в свободной **Белоруссии**, <...>. Несмотря на все трудности, на экономическую разруху, у нас в **Беларуси** обстановка все-таки более стабильная.* (СБ, 28 апреля 1992 г.)

Старый топоним *Белоруссия* в 1991 и первой половине 1992 года встречается достаточно редко, но преимущественно без дополнительных коннотаций, со второй половины редкие использования этого топонима встречаются

³ https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_Республики_Беларусь/Первоначальная_редакция

в письмах антинационалистически настроенных людей. Ср. фрагменты из двух писем, опубликованных в рубрике «Мнения: на разных полюсах»:

(3а) *Народ **Белоруссии** в основном — русскоязычный. <...> Сто пятьдесят лет русский язык был в **Белоруссии** государственным и должен им остаться. Теперь националисты, придя к власти, стремятся заменить русский язык белорусским.*

(3б) *Вызывает удивление, что некоторые русские, проживающие в **Беларуси**, да и многие белорусы, требуют, чтобы обучение в школах, вузах, передачи по радио и телевидению велись на русском языке. <...> Неужели они не понимают, что в суверенной **Беларуси** русский язык такой же иностранный, как английский <...>. (СБ, 7 мая 1992 г.)*

Наконец, достаточно красноречив следующий вопрос от читателя:

(4) *Почему до сих пор ваша газета не изменила название? Ведь **Белоруссии** уже нет, тем более Советской. (СБ, 30 ноября 1992 г.)*

Примерно с 1993 года топоним *Белоруссия* в газете не встречается за исключением цитат из российских изданий. Таким образом, можно предположить, что к 1992–1993 году в русском языке Белоруссии вариант *Беларусь* закрепился достаточно крепко, постепенно вытесняя вариант *Белоруссия*.

3. Выбор топонима для Белоруссии в русском языке России

Несмотря на заявления белорусских политиков, в русском языке России основным остался вариант *Белоруссия*, который используется в большинстве СМИ и в обычной речи; в официально-деловых отношениях употребляются оба топонима. То же самое характерно и для других вариантов постсоветских топонимов — *Кыргызстан*, *Турмкенистан*, *Молдова*, *в/на Украине*, хотя и несколько в меньшей степени (кроме Украины). Подобное неполиткорректное с точки зрения представителей вышеназванных государств следование традиции в сочетании с выходом вариативности такого рода в интернет-пространство, где регулярно сталкиваются носители противоборствующих норм, привёл к значительному росту числа конфликтов в социальных медиа.

Случаи конфликтов в комментариях, где конфликтная коммуникация вызвана не содержанием исходного текста, а тем или иным употреблённым в нём словом, нередки. Например, в [Сомин 2015] описываются случаи, когда метаязыковые дискуссии в комментариях каузируются словом, относящимся не к тому стандарту белорусского языка, который ближе комментатору, или же вообще тем, что новостная статья написана на белорусском языке; во многих заметках в [Левонтина 2016] приводятся комментарии в социальных медиа, посвящённые отдельным словам из исходного текста (например, в [Левонтина

2016:272] таковым является слово *она* из твита Ирины Родниной). Если же говорить только о конфликтах, связанных с топонимами, то важно отметить, что количество и мощность конфликтов *Беларусь/Белоруссия* (по крайней мере, в социальной сети «ВКонтакте») в десятки раз превышает аналогичные конфликты для других стран (не считая Украину, где, во-первых, актуальность и «горячесть» темы вызвана экстралингвистическими причинами, а во-вторых, поисковый механизм «ВКонтакте» не позволяет искать словосочетания).

Чтобы понять структуру этих конфликтов, для начала следует понять позиции сторон.

Очевидно, что в большинстве российских СМИ используется вариант *Белоруссия*. Для того же, чтобы узнать, как устроено распределение в речи обычных людей, мы провели следующий опрос-эксперимент, в котором приняли участие 574 человека. Участникам предлагалось определить десять государств, их язык и название жителей по флагу, столице и численности населения; одним из них была *Белоруссия*.

Для обработки результатов были исключены ответы всех тех, кто не из России. При подсчётах мы также исключили неверные (то есть не отмеченные в справочниках) варианты *Беларуссия* (1,3%) и *Белорусь* (5,5%), причины появления которых, впрочем, достаточно очевидны, фактические ошибки (например, *Украина*) и двойные ответы *Белоруссия/Беларусь* (1,5%). После всех сокращений в выборке осталось 418 ответов: 137 *Беларусь* (32,8% — из них 3,1% *Республика Беларусь*) и 281 *Белоруссия* (67,2%, из них 4,3% *Белорусия*). Интересно, что для *Голландии/Нидерландов* распределение оказалось количественно практически таким же, но зеркально отражённым с точки зрения официальности топонима: 30,3% *Голландия* и 69,7% *Нидерланды*.

Можно предположить, что при подобных условиях опроса количество вариантов *Беларусь* — треть респондентов — выше, чем было бы, если бы у нас была возможность проанализировать спонтанную речь, так как в данном случае, во-первых, у участников опроса значительно больше степень рефлексии, чем в нейтральных условиях устной речи, а во-вторых, ситуация воспринимается как более формальная, что может каузировать употребление официального названия. Отметим, впрочем, что в быстрой речи половина падежных форм слов *Беларусь* и *Белоруссия* не различаются на слух.

Важно отметить, что для этнонимов и прилагательных распределение совершенно другое: 369 *белорус* (88,3%) и только 49 *беларус* (11,7%); 389 *белору(с)ский* (93,1%) и только 29 *белару(с)ский* (6,9%).

4. Выбор топонима для Белоруссии в русском языке Белоруссии

Как было показано во втором разделе, в русском языке Белоруссии используется исключительно вариант *Беларусь*. Это подтвердил и наш опрос, в котором оказалось 39 респондентов-белорусов (один человек всё же написал *Беларусь, Белоруссия*). При этом распределение для этнонимов и прилагательных

напоминает аналогичное у россиян, хотя и с большим тяготением к варианту через *а*: 26 *белорусы* (66,7%) и 12 *беларусы* (31,8%), а в прилагательных — 32 *белорусский* (84,2%) и только 6 *беларус(с)кий* (14,4%).

Таким образом, по-видимому, не только у россиян, но даже и у белорусов словарная норма оказывается зафиксированной в сознании гораздо сильнее, чем имена собственные, которые в традициях русской лексикографии не принято включать в словари. При этом этнонимы занимают промежуточное место между топонимами как именами собственными и прилагательными, образованными от них, как именами нарицательными. Любопытно, впрочем, что в последнее время в белорусской русскоязычной публицистике стал всё чаще появляться вариант *беларус* и прилагательное *беларусский* или даже *беларуский*, например, в книгах под редакцией публициста Анатолия Тараса, ср. «История имперских отношений. Белорусы и русские. 1772–1991» (Минск, 2008) или «Деды. Дайджест публикаций о белорусской истории. Специальный выпуск. Выпуски 1–5» (Минск, 2013). Наиболее же ранняя публичная фиксация этой неоднозначности имеется всё в той же «Советской Белоруссии» в письме от читательницы:

- (5) *Уважаемый парламент, уважаемые филологи. Будьте добры и ответьте на такой наивный вопрос: как правильно написать в метрике новорождённого его национальность — «белорус» или «беларус».*
(СБ, 2 декабря 1992 г.)

Для понимания сути конфликтов важно понять причину этих возмущений. Для этого мы провели опрос в интернете, а также двенадцать пилотных устных интервью в Минске. В силу небольшого количества респондентов в интервью полученными данными можно пользоваться лишь с оговорками, однако нейтральное или позитивное отношение к варианту *Белоруссия* наблюдалось только у людей старше 40 лет.

Результаты онлайн-опроса, однако, несколько отличаются. В нём приняло участие 74 человека в возрасте от 18 до 75 лет (опрос предлагался лишь белорусам, однако в число респондентов вошли три человека, живущих всю жизнь в России, которые были исключены из выборки; несколько человек, проживших в России от 5 лет и больше, были всё же оставлены). В опросе, кроме сбора социолингвистических данных, предлагалось ответить на вопрос про отношение к варианту *Белоруссия*, указать возраст, в котором пришло осознание наличия двух норм, выбрать вариант этнонима и указать своё отношение к другому, а также сообщить, станет ли респондент исправлять собеседника, использующего неверный вариант, и описать аргументы, к которым он будет при этом апеллировать.

В результате 52 из 71 опрошенного (73,2%) выразили более или менее негативное отношение — от ненависти до лёгкого раздражения — к варианту *Белоруссия*, 15 (21,1%) — нейтральное, и лишь четверо (5,6%) описали вариант *Белоруссия* как единственно правильный. Следует, однако, отметить, что

средний возраст составил 26,4 года (а если исключить 75-летнего информанта, то 25,7), медианное значение — 24, что в некотором роде объясняет результаты: сознательная жизнь абсолютного большинства опрошенных прошла уже в независимой Республике Беларусь. Возрастом начала рефлексии большинство опрошенных указывают 14–16 лет, часть из них прямо указывают на роль в этом школы, гораздо реже — начало учёбы в университете.

Наиболее интересен же следующий результат: 34 человека (47,9%) указывают этноним *беларус* как единственно верный или более предпочтительный из пары и только 23 (32,4%) считают единственно верным или более предпочтительным вариантом зафиксированное в словарях *белорус* (в их число также входят люди, предпочитающие вариант *Белоруссия*, то есть только среди сторонников *Беларуси* этот процент ещё меньше). При этом многие из тех, кто отдаёт предпочтение написанию через *o*, утверждают, что считают более правильным (логичным, подходящим и т.п. — воспроизводящим орфографию топонима) вариант через *a*, но вынуждены следовать словарям. По-видимому, можно говорить об изменении нормы на наших глазах: вполне возможно, что, если исключить экстралингвистические факторы, через один или несколько десятков лет написание *беларус* (и, вероятно, *беларус(ский)*) может вытеснить в белорусском региолекте русского языка словарный вариант. Этот факт, насколько нам известно, на данный момент не отражён ни в одной академической работе (наиболее близко — [Hroch 2010:280]: «<...> to use the Belarusian language (preferred today to Belorussian <...>»).

Анализируя полученные данные, не следует, однако, забывать, что с большей вероятностью участие в подобном опросе примет человек, который интересуется данной темой и рефлексиирует по этому поводу; соответственно, можно ожидать некоторого перекоса в сторону некодифицированных вариантов. И действительно, анализ спонтанного употребления конфликтно немаркированных лексем в ситуациях нейтральной (неконфликтной) коммуникации даёт иные результаты. Согласно данным, предоставленным В. И. Беликовым⁴, в белорусских блогах за 2007–2008 годы наблюдалась следующая статистика употребления наименований учителей белорусского языка:

	блоги (2007–2008)	ВКонтакте (всё время)
<i>белорусичка</i> / <i>белорусица</i> :	4/45	29/72
<i>белоруссичка</i> / <i>белоруссица</i> :	2/14	5/8
<i>беларусичка</i> / <i>беларусица</i> :	3/20	10/45
<i>беларуссичка</i> / <i>беларуссица</i> :	0/2	1/1

Здесь отношение написания через *o* к написанию через *a* составляет 65/25, т. е. 2,6 к 1 (отдельного внимания также заслуживают 18 случаев гиперкорректного *сс*). Аналогичные результаты показывает и статистика в социальной сети «ВКонтакте» за все годы (с последующей ручной обработкой для исключения

⁴ Мы выражаем искреннюю признательность В. И. Беликову за статистику и саму идею обратить внимание на подобные употребления, а также за другие ценные комментарии.

употреблений в другом значении, как, например, *Белорусичка* как ироничное название страны или *белорусиц* как презрительное название национальности) — 57/114, т. е. 2 к 1. Кроме того, в подобных контекстах часть написаний через *a* может быть не показателем принципиальной позиции пишущего, а обычной орфографической ошибкой. Таким образом, с учётом соотношения употреблений двух вариантов написания в сфере неконфликтного (и неотрефлексированного) общения скорый переход к официальному признанию написания через *a* не кажется столь вероятным.

Что же касается последнего вопроса — об исправлении собеседника, то из 52 респондентов, относящихся к варианту *Белоруссия* негативно, 36 человек (независимо от пола) утверждают, что будут поправлять употребившего данный вариант собеседника, ещё у шестерых это зависит от ситуации общения или собеседника (итого 80,7% из «негативной» группы, не включая двух человек из «нейтральной»). Таким образом, если считать нашу выборку репрезентативным срезом белорусов в интернете, 53,5% (38 из 71) готовы вступить в спор с собеседником, чтобы научить того правильному названию страны. Это объясняет частоту и мощность споров на данную тему в социальных медиа.

В чём причина столь яркой нелюбви белорусов к варианту *Белоруссия*? Большинство опрошенных ссылаются на то, что они воспринимают слово *Белоруссия* как пережиток прошлого — название советской республики, и этот вариант противоречит официальному названию, указанному в русскоязычной конституции. Многие характеризуют это слово как уничижительное или пренебрежительное; оно не только фонетически близко к названию России (что в том числе запутывает иностранцев), но и по своему морфологическому и фонетическому составу якобы указывает на зависимое, периферийное относительно России положение государства, будто бы российский регион. Люди же, употребляющие этот вариант, для части информантов просто неграмотные, ещё для части — невежливые, необоснованно пренебрегающие мнением граждан этого государства. Несколько человек указали на требование транслитерировать название в соответствии с белорусским звучанием, и, наконец, ещё несколько сравнили русский язык России и Белоруссии с американским и британским английским, указывая на то, что для языка нормально быть полицентричным и иметь региональные нормы. Если же говорить об аргументах, которые будут приводиться в гипотетических спорах, то в абсолютных лидерах ссылки на конституцию, объяснение, что это название советской республики, и просто указание на нелюбовь белорусов к этому слову (апелляция к вежливости).

Несмотря на столь явные выводы, насколько нам известно, лишь в двух работах упоминается негативное восприятие белорусами названия *Белоруссия*. Во-первых, это публицистическая статья [Заварин 2015:24], где разбираются 10 мифов об этой стране: в мифе №6 «Беларусь — это Белоруссия» сообщается, что «белорусов, которые не сильно скучают по советскому прошлому, сильно раздражает название „Белоруссия“. Если не хотите их обидеть, следуйте правилам русского языка». Во-вторых, глава в учебнике [Sloboda 2011:396], отмечающая, как и респонденты нашего опроса, следующее: «The more traditional English names „Belorussia“ and „Byelorussia“ are derived from the Russian name

of Belarus (*Belorussia*). They thus symbolize the former dominance of Russia over Belarus and are considered politically incorrect by the Belarusians today».

Важно подчеркнуть, что выбор номинации *Беларусь* в дискурсе белорусов, равно как и — в большинстве случаев — употребление топонима *Белоруссия* россиянами является немаркированным, не свидетельствующим о каких бы то ни было националистических в первом случае или, во втором случае, «империалистских» установках говорящего. В обратную же сторону оппозиция привативна: вариант *Белоруссия* в речи белорусов, особенно старшего поколения, скорее, нейтрален, тогда как употребление топонима *Беларусь* россиянином с наибольшей вероятностью окажется маркированным и указывающим на высокую степень осознанности выбора номинации.

5. Структура конфликтов *Беларусь vs. Белоруссия* в социальных медиа

Теперь, когда мы разобрались с причинами конфликтов, можно описать их структуру. Возможность их появления обуславливается общностью медиасферы России и Белоруссии: многие белорусы читают новости на российских ресурсах (например, сайт *rbc.ru* находится на 42-м месте в топе сайтов по посещаемости из Белоруссии), а социальная сеть «ВКонтакте» является в принципе наиболее посещаемым сайтом в Белоруссии⁵.

Конфликты, происходящие в интернете, в большинстве случаев начинаются с возмущения белоруса написанием названия его страны (и это логично: россияне практически не бывают на белорусских сайтах), хотя бывают и исключения, ср.:

(6) *Извините, не могу молчать. Когда малограмотный пацан не знает, что по-русские пишется «Белоруссия», это понятно. И простительно — что взять с него. Но когда лингвист...*

В русском языке нет слов «Пари», «Ландон» и «Беларусь». В русском есть слова «Париж», «Лондон» и «Белоруссия». Пожалуйста, заучите. Географические названия приводятся в соответствии с исторической традицией языка перевода, а не в соответствии с фонетикой языка-исходника. (комментарий в блоге, 26 мая 2013)

Далее, в ответ на возмущение белоруса российский пользователь сообщает, что по нормам русского языка правильно — *Белоруссия*. Если спор продолжается, то стороны в основном используют следующие аргументы:

сторонники *Белоруссии*:

- 1) названия других государств и городов не транслитерируются на русский язык: *Дойчланд, Франс, Рома*;

⁵ <http://www.alex.com/topsites/countries/BY>

- 2) вариант *Беларусь* не соответствует правилам русского языка (не бывает соединительной гласной *а*), это белорусское слово;
- 3) изменения названий постсоветских стран не нашли отражения в русском языке, придерживающемся традиционных норм (*Молдавия*, *Киргизия* и т. п.), одно государство не может указать другому, как его называть — особенно если речь идёт о национальном языке этого государства (т. е. в данном случае русский язык рассматривается как собственность России);
- 4) отказ использовать вариант, закреплённый в конституции Республики Беларусь в качестве официального и, соответственно, не обязательного в обычной речи;
- 5) согласие с обоими вариантами как допустимыми;
- 6) шуточные аргументы (в основном «Беларусь — это трактор, а страна — Белоруссия»),

а также несколько конкретных ссылок:

- 7) на письмо ИРЯ РАН по запросу Яндекса⁶, которое указывает, что вариант *Белоруссия* используется в бытовой сфере общения и «носители русского языка вправе использовать его в соответствующей ситуации» (на это письмо также любят ссылаться сторонники *Беларуси*, т. к. в нём говорится, что «оба наименования — *Белоруссия* и *Беларусь* имеют право на существование и употребление в современном русском языке»);
- 8) на фотографию президента А. Г. Лукашенко, сидящего на саммите с табличкой *Республика Белоруссия*;
- 9) на статью в Википедии «Именование белорусского государства на русском языке»;

сторонники *Беларуси*:

- 1) русский — государственный язык Беларуси, название закреплено в русскоязычной конституции и указано в паспортах (а также в законе 1991 года, цитируемом в начале статьи), а те страны, названия которых не транслитерируются (Германия, Франция и т. п.), не имеют русского в качестве государственного;
- 2) по закону 1991 года название должно транслитерироваться на все языки мира в соответствии с белорусским произношением;
- 3) слово *Беларусь* используется русскоязычными жителями этой страны, а статус русского языка как государственного легитимизирует право этих людей влиять на его нормы;
- 4) *Белоруссия* — название советской республики, *Беларусь* — название независимого государства, и страны с названием *Белоруссия* не существует (так же, как Бирма стала Мьянмой, Берег Слоновой Кости — Кот-д’Ивуаром);

⁶ <http://bygirl.net/wp-content/uploads/2012/03/belarusvsbelorussia.jpg>

- 5) ссылки на российские (полу)официальные документы: письмо ИРЯ РАН, Общероссийский классификатор стран мира, сайт Института географии РАН;
- 6) ссылка на вышеупомянутую статью в Википедии;
- 7) шуточные комментарии (в основном, указания на существование страны *Россисии*, если существует *Белоруссия*).

Так, например, в следующем примере со стороны защитников варианта *Беларусь* используются аргументы № 1, 4, 5, а со стороны защитника *Белоруссии* — № 1, 2, 3, 4 и 5:

- (7) *Максим: Константин, нет такой страны, как Белоруссия. Есть Беларусь. Не трудно запомнить. <...>*
Деградат нация: Максим, нет такой страны, как Германия, Англия и Russia. Есть только Deutschland, England и Россия.
Максим: Деградат нация, хм. Меня тут на днях одна щепетильная особа доставала тем, что я сказал Белоруссия. Вот теперь я тоже проповедую знания)) Не более))
Глеб: Деградат нация, есть общероссийский классификатор стран мира, там нет ни Англии ни Белоруссии. Тем более, название «Республика Беларусь» закреплено официально именно на русском языке. Так что уви.
Деградат нация: Глеб, ровно как и Белоруссия, например. Оба названия употребляются, и их употребление не является ошибкой.
Глеб: Деградат нация, Наименование страны Краткое БЕЛАРУСЬ . Полное Республика Беларусь. Белорусия устарела в 1991 году.
Александр: Глеб, в русском языке допустимо слово Белоруссия, беларусы по правилам русского языка пишутся через о, и как понятие устарело? Да, до 91 года Белорусская ССР, коротко ее называли Белоруссией, в простонародье и до сих пор называют.
Глеб: Александр, так и понятие. Новая страна, новое название. «Да потому что нет больше вашей Белоруссии, ха-ха-ха-ха»
Александр: Глеб, и? У каждого языка свои особенности правописания и произношения названий других народов и стран, выше об этом уже говорилось, приводя в пример Германию, Китай и тд. И никто не вправе указывать им.
Глеб: Александр, это не особенность белорусского, это именно закреплено в конституции на русском языке.
Александр: Глеб, причем тут конституция? Есть русские словари, там есть слова Белоруссия, беларусы и тд. Мы не научно\официальным деловым стилем разговариваем, чтобы в конституцию смотреть.

Достаточно интересно, что некоторые причины недовольства, отмеченные в проведенном нами опросе, не приводятся в качестве аргументов (и это понятно: ассоциация названия *Белоруссия* с зависимостью от России — плохой аргумент в споре).

6. Заключение

Качественный анализ конфликтных дискуссий в социальных медиа позволил нам выделить основные тезисы, используемые сторонниками вариантов *Беларусь* и *Белоруссия* при спорах в комментариях. Аргументы сторонников *Беларуси* не полностью повторяют реальные причины их недовольства вариантом *Белоруссия*. Дополнительные исследования (эксперименты, опросы, интервью, работа с газетами начала 1990-х) показывают причины возникновения этих разногласий и объясняют суть некоторых аргументов из споров в комментариях. Кроме того, отмечено, что несмотря на словарную фиксацию, вариативность затрагивает также и прилагательное и этноним; при этом можно предположить, что вариант национальности *беларус* (а также и образованное от него прилагательное) в русском языке Белоруссии в будущем может вытеснить словарную норму *белорус*, хотя результаты количественного анализа социальных медиа — подсчёта употреблений слов, однокоренных с обоими вариантами топонима, снижают категоричность этой гипотезы.

В дальнейшем представляет интерес, во-первых, сравнение структуры конфликта *Белоруссия/Беларусь* с другими лингвополитическими конфликтами (*Молдавия/Молдова, на Украине/в Украине* и т.п.), а во-вторых, рассмотрение сценариев развития лингвополитических споров на фоне других конфликтов, индуцированных языком, в частности, связанных с использованием регионализмов, известных не всем участникам коммуникации, и слов-раздражителей, в том числе из языков субкультур (*кушать, печенки, пузожитель, годовасик* и т.п.).

Литература

1. Вячорка, В. 2015а. Як нас заве сьвет — «Беларашэн» ці Belarus(i)an? <http://www.svaboda.org/content/article/27189235.html> (проверено 17.02.2016)
2. Вячорка, В. 2015b. Ці абароніць Belarus Сьвятлана Алексіевіч? <http://www.svaboda.org/content/sviatlana-aleksievich-belarus/27310245.html> (проверено 17.02.2016)
3. Заварин, С. 2015. Lonely republic: Беларусь — территория легенд // Профиль № 891 (2). С. 20–25.
4. Кронгауз, М. А. 2013. Кто отвечает за русский язык. // Русский язык зарубежья. СПб: Златоуст. С. 4–14.
5. Лашкевич, К. 2010. От «Белоруссии» к «Беларуси»: процесс пошел. <http://news.tut.by/politics/157124.html> (проверено 17.02.2016)
6. Левонтина, И. Б. 2016. О чём речь. М.: Corpus.
7. Русакович, А. В. 2014. Эволюция транскрипции названия «Беларусь» в германской научной литературе в 1990–2000-е гг. // Беларусь в современном мире. Материалы XIII Международной конференции, посвященной 93-летию образования Белорусского государственного университета. Минск: БГУ. С. 370–372.

8. *Сомин, А. А.* 2015. Языковая рефлексия в современной Беларуси сквозь призму комментариев в интернет-СМИ // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение» / Московский лингвистический журнал. Том 17 (1). С. 62–86.
9. *Hroch, M.* 2010. The Slavic World, in Fishman, J. A., García, O. (ed.) Handbook of language and ethnic identity: Disciplinary and regional perspectives. Volume 1. Second edition. Oxford university press. Pp. 269–285.
10. *Sloboda, M.* 2010. Belarusian, in Fishman, J. A., García, O. (ed.) Handbook of language and ethnic identity: The success-failure continuum in language and ethnic identity efforts. Volume 2. Oxford University Press. Pp. 381–398.
11. *Smith J.* 2013. Red nations. The nationalities experience in and after the USSR. Cambridge University Press.

References

1. *Hroch M.* (2010), The Slavic World, in Handbook of language and ethnic identity: Disciplinary and regional perspectives. Volume 1. Second edition, ed. by Fishman, J. A., García, O. Oxford university press. Pp. 269–285.
2. *Krongauz M. A.* (2013), Who is responsible for the Russian language [Kto otvechaet za russkij jazyk], in The Russian language of foreign countries [Russkij jazyk zarubezhja], Zlatoust, Saint-Petersburg. Pp. 4–14.
3. *Lashkevich K.* (2010), From „Belorussia” to „Belarus”: the process has started [Ot “Belorussii” k “Belarusi”: protsess poshël], available at <http://news.tut.by/politics/157124.html>.
4. *Levontina I. B.* (2016), What is it all about [O čëm rech’], Corpus, Moscow.
5. *Rusakovich A. V.* (2014), Evolution of the transcription of the name “Belarus” in German science literature in 1990–2000 [Ėvolutsija transkriptsii nazvanija “Belarus” v germanskoj nauchnoj literature v 1990–2000-je gg.], Belarus in the modern world: Proceedings of the XIII International conference dedicated to 93 years from the foundation of the Belarusian State University [Belarus’ v sovremennom mire. Materialy XIII Mezhdunarodnoj konferentsii, posvjashčennoj 93-letiju obrazovanija Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta], Minsk, pp. 370–372.
6. *Sloboda M.* (2010), Belarusian, in Handbook of language and ethnic identity: The success-failure continuum in language and ethnic identity efforts. Volume 2. ed. by Fishman, J. A., García, O. Oxford University Press. Pp. 381–398.
7. *Smith J.* (2013), Red nations. The nationalities experience in and after the USSR. Cambridge University Press.
8. *Somin A. A.* (2015), Attitudes to the Belarusian language through the prism of comments in the online media [Jazykovaja refleksija v sovremennoj Belarusi skvoz’ prizmu kommentariev v internet-SMI], RGGU Buletin. Series “History. Philology. Cultural studies. Orientology” / Moscow Journal of Linguistics [Vestnik RGGU. Serija „Istorija. Filologija. Kul’turologija. Vostokovedenie” / Moskovskij lingvisticheskij zhurnal], Vol. 17 (1), pp. 62–86.

9. *Viačorka V.* (2015a), How does the world call us — „Bielarašen” or Belarus(i)an? [Jak nas zavie šviet — «Bielarašen» ci Belarus(i)an?] available at <http://www.svaboda.org/content/article/27189235.html>
10. *Viačorka V.* (2015b), Will Svetlana Alexievich protect „Belarus”? [Ci abaronić „Belarus” Šviatlana Alieksijevič?], available at <http://www.svaboda.org/content/sviatlana-aleksievich-belarus/27310245.html>
11. *Zavarin S.* (2015), Lonely republic: Belarus — the territory of legends [Lonely republic: Belarus’ — territorija legend], Profile [Profil’], Vol. 891 (2). Pp. 20–25.